

Стоило ей подойти к цоколю статуи и машинально коснуться холодного и шероховатого каменного узора, как из тени сбоку и позади донёлся голос.

— Ночной Белобог вовсе не так безопасен, как кажется.

Голос был низким, выдержанным с нарочитой, ровной неторопливостью, но при этом странным образом отдавал металлическим скрежетом. Ни возраст, ни сильные эмоции уловить не получалось.

Ци У слегка вздрогнула, отдернула руку и обернулась. Из тени вышел человек.

Он был одет в плотное суконное пальто, какое часто носили простолюдины в Верхнем городе Белобога, а надвинутый на голову капюшон скрывал большую часть лица. Наружу выглядывали лишь жестко очерченный подбородок да чуть бледные губы.

Человек отличался высоким ростом и стоял неподвижно, напоминая слившуюся с ночным мраком безмолвную статую. Его глаза в тени капюшона отражали слабый свет уличного фонаря на краю площади и казались неестественно яркими, словно в них таилось что-то холодное и нечеловеческое.

Ци У машинально отступила на полшага, настороженно глядя на незнакомца. От этого человека веяло странной атмосферой — он не походил ни на обычного горожанина, ни на бойца из Среброгривых стражей.

В нем чувствовалось нечто... излишне неподвижное, будто дыхание и биение сердца скрылись в самой морозной стыни воздуха.

— Спасибо за предупреждение, — вежливо и отстраненно ответила она, а ее взгляд скользнул по рукам собеседника, которые казались опущенными вдоль тела без всякого умысла. Пальцы — узловатые, бледные — обладали на редкость изящными контурами, совершенно не вязавшимися с грубоватым на вид обличьем. Создавалось впечатление, будто они привыкли годами сжимать какой-то определенный инструмент или... оружие.

— Вы ведь тоже не похожи на обычного прохожего, вышедшего погулять перед сном.

— Наблюдательность у вас что надо. — Уголки ртов под капюшоном чуть заметно дрогнули, но в этом изгибе не читалось веселья.

— Чужестранка?

— Можно и так. — Ци У не стала отрицать очевидного — да и не было смысла. Ее наряд слишком сильно выбивался на фоне местных жителей.

— Пришли сюда... в поисках чего-то?

Вопрос прозвучал непринужденно, однако сосредоточенный взгляд незнакомца заставил Ци У ощутить незримое давление. Казалось, он интересовался не конкретным местом или вещью, а чем-то куда более глубоким и сокровенным.

— Просто... развеяться, — ответив, Ци У отвела взгляд и посмотрела на темные силуэты зданий вдаль. — Ночи здесь очень тихие.

— Тихие, — повторил незнакомец, вложив в это слово трудноуловимый подтекст.

— Порой излишняя тишина заставляет человека услышать то, чего слышать не следовало... Например, отзвуки воспоминаний. — Его слова явно на что-то намекали.

Сердце Ци У резко заколотилось. Она стремительно повернулась обратно и в упор уставилась в темноту под капюшоном. — ...Что вы сказали?

— Ничего. — Впрочем, развивать тему незнакомец явно не собирался. Он шагнул вперед, заняв позицию чуть сбоку и впереди Ци У, и тоже задрал голову на статую: — Просто подумалось: каждый, кто приходит в незнакомые края, так или иначе носит на плечах тени прошлого. Одни тени четкие, другие же... словно стерты насильно, оставляя лишь белое пятно да пустые отголоски.

Его слова прозвучали словно клинок, безошибочно угодивший в самый центр ее нынешней смятении.

Прошлое? Пустота? Отголоски? В памяти вспыхнул странный разлом между пугающе четкими игровыми воспоминаниями трех прошлых прохождений и пугающе чуждой реальностью этого тела, этого имени.

А еще — те неподвластные контролю силы, что то и дело рвались наружу...

— Вы... разбираетесь в памяти? — испытующе спросила она, невольно понизив голос.

Из-под капюшона донесся еле слышный выдох, больше похожий на вздох.

— По долгу службы, если можно так выразиться. — Он ненадолго умолк: — Когда-то я был ремесленником, стремился к предельному созиданию и сохранению. А позже понял: стоит чему-то родиться — оно обречено сломаться; стоит чему-то уцелеть — оно со временем исказится. Зато... память — дажещербная, даже искаженная — до тех пор, пока жив сам акт помнения, служит доказательством: нечто... и впрямь случалось.

Ремесленник? В груди Ци У шевельнулось смутное чувство. Это слово вызвало в памяти облик, расплывчатый и неясный.

Первое прохождение, Сяньчжоу «Луофу», седовласый юноша, вечно пропадающий в Комиссии по ремеслам со следами машинного масла и металлической крошки на пальцах. Он мастерил для нее на заказ изящные артефакты, помогающие слепым, терпеливо растолковывал предназначение каждой шестеренки, а в его голосе сочетались гордость гения и мягкость старого друга...

Она тряхнула головой, отгоняя непрошеную картинку. Это всего лишь помехи от игровых воспоминаний, повторяла она себе.

— Звучит философски, — постаралась сохранить спокойствие в голосе она. — Но если память изначально лжива или навязана насильно, какой тогда смысл в самом акте помнения?

На сей раз незнакомец молчал очень долго. Ледяной ветер, поднимая крошечные снежные крупы, пронесся между ними.

— Смысл... — медленно произнес он, и в ровной до того интонации прорезалась трещина, открывая нечто куда более глубокое и сложное. — Пожалуй, он кроется не в абсолютной истинности содержимого памяти, а в том... на что указывает сама жажда вспомнить или докопаться до сути.

Он чуть наклонил голову, и взгляд из тени капюшона снова упал на лицо Ци У — в нем читалось пристальное изумление, словно он пытался разглядеть за ее фасадом кого-то другого: — На какого-то важного человека, на незавершенное дело, на... ответ, который необходимо отыскать. Даже если путь к нему болезнен, даже если правда окажется совсем не такой, какой ее ждали.

По спине Ци У пробежала дрожь, и вовсе не из-за погоды.

Просто... каждое слово незнакомец словно высекал по затворам ее закрытого на замок сердца.

— Вы будто бы... тоже ищете какой-то ответ? — услышала она собственный вопрос.

Незнакомец не стал отвечать с ходу.

Он поднял бледную руку и поймал едва заметную снежинку.

— Я потерял часть воспоминаний, — обронил он так буднично, будто рассуждал о дурной погоде. — Очень важных воспоминаний. Настолько... что ради надежды вернуть их однажды я предпочел продолжить существование в ином обличье. Быть может, именно ради этого мгновения ожидания.

Он разжал ладонь, и снежинка бесшумно растаяла.

— Кто-то говорил мне, что ответ кроется на «Луофу». Но я... уже не могу ждать. Точнее, мне захотелось сперва взглянуть на того самого «ключевого человека», чье появление предсказано пророчеством. Как он выглядит?

Пророчество? Ключевой человек? Дыхание Ци У на миг перехватило.

Неотразимое предчувствие захватило ее целиком, заставляя едва не выкрикнуть: «Ты случайно не знаком со мной?» или «Знаешь ли ты, кто я такая?».

Однако разум изо всех сил сдерживал этот порыв.

Какая глупость: перед ней всего лишь случайный прохожий, бросивший в морозную ночь Белобога пару двусмысленных, полных намёков фраз.

И всё же... отчего так бешено стучит сердце? Отчего при взгляде на полускрытый капюшоном профиль накатывает острая боль, в которой переплелись тоска и сладкое чувство ностальгии?

— ...Так вы нашли его? Этого «ключевого человека»? — выдавила она наконец сухим голосом.

Незнакомец снова посмотрел на нее.

На этот раз его взгляд на крошечную долю секунды смягчился — казалось, ей лишь помешалось.

— Нашел, — ответил он. — Совсем не таким, каким представлялось. Куда более... растерянным и хрупким. Но в глубине глаз по-прежнему теплится кое-что неизменное.

Помедлив, он словно хотел что-то добавить, но вместо этого лишь легко покачал головой: — Ветер ночной сильный, ступайте в дом пораньше. Секреты Белобога столь же глубоки, сколь и лежащие на его поверхности снега, за одну ночь их не разгадать.

С этими словами он не стал больше задерживаться, развернулся и бесшумным, но твердым шагом снова растворился в тени на противоположной стороне площади — так, будто его здесь никогда и не было.

Ци У долго стояла на прежнем месте, не в силах сдвинуться с места.

Рядом завывал ледяной вихрь, но холода она не чувствовала — лишь переполнявшую душу тревогу и растерянность.

Кто этот незнакомец? Что означали его слова? Пророчество? Указание на «Луофу»? Указание на... неё?

Она инстинктивно прижала руку к груди. Там затаился странный трепет — вовсе не от страха, а от некоторой... невыразимой, покрытой толстым слоем пыли времени знакомости.

В безлюдном переулке далеко от центра площади тени обрели плоть, начиная медленно течь и менять очертания.

Шерстяное пальто и капюшон рассеялись, словно сброшенная змеиная кожа, открывая ровную, исполненную незримой тяжести фигуру.

Иссиня-черные волосы, обвитые белыми бинтами руки и те самые кроваво-красные глаза, в которых тлели угли боли и пустоты.

Цзин Лю... точнее, мужчина, некогда носивший имя Ин Син, молча стоял в темном переулке.

Маскировка спала, и нечеловеческая, мертвенно-застывшая аура больше ничем не сдерживалась.

В миниатюрном наушнике раздался тихий статический треск, сменившись знакомым женским голосом, в котором не было ни малейшей попытки скрыть любопытство:

— Эй, А-Лин, потрепались? Увидел «ключевую фигуру»? Ну как, не активировался твой «особый» режим?

Это была Серебряный Волк.

Ин Син помолчал с пару секунд, устремив золотисто-красные глаза туда, где исчезла Ци У — теперь там белел лишь пустой переулок да падал снег.

— Нет, — его голос обрел прежнюю монотонную холодность, но если вслушаться, он казался суше обычного.

— Она... похоже, ничего не помнит.

— Ну еще бы, судя по словам Элио, сейчас она сама толком ничего не соображает в собственной голове.

В трубке посмертно зазвучало чавканье — Серебряный Волк жевала жвачку: — И ты даже не полез «проверить» лично? На тебя не похоже. Раньше, когда дело касалось привесок из

прошлого, ты не был столь... любезен.

Ин Син пропустил подначку мимо ушей. Его пальцы машинально перебирали воздух, будто пытаясь удержать ускользающую фактуру.

Не холодную твердость рукояти меча или оружия, а кое-что более древнее: то, как мастер-ремесленник касается точных деталей своими руками, или же...

То, как давным-давно слепая девушка из Видхарадха под лучами полуденного солнца бережно и с полнейшим доверием протягивала ему обратно для проверки свой личный артефакт-поводырь, созданный им же самим, и их пальцы случайно соприкасались — прохладные, согревающие.

Это ощущение было давно позабыто, но сейчас, в ходе короткого диалога с той девчонкой по имени «Ци У», в абсолютной пустоте памяти оно вдруг всколыхнуло еле заметную, едва уловимую рябь.

[— Такой непревзойденный гений, как братец Ин Син, просто обязан прожить долгую-долгую жизнь, чтобы вся Вселенная знала: в мире есть мастер-ремесленник подобных высот!]

Лукавый девичий голос, преодолев промежуток времени, достаточный для того, чтобы стереть душу в пыль, вдруг отчетливо и громко прозвучал в его пустой памяти.

Выбрав путь бессмертного памятица, он собирал осколки воспоминаний в бесконечных дебрях проклятого времени, и в самой глубине той смутной навязчивой идеи... неужели тоже тайлось подобное давным-давно забытое, легкое словно вздох желание?

Он не знал. Он слишком многое растерял.

— Она упоминала о «навязанных воспоминаниях» и сомневается в источнике собственной силы, — неожиданно вымолвил Ин Син, обрывая возможные расспросы Серебряного Волка.

— О? Занятно. Похоже, проблемы мисс Ци У с самоопределением куда серьезнее, чем предполагалось, — голос Серебряного Волка стал чуть серьезнее.

В ней разыграло еще большее любопытство: — Нам собрать больше данных? Я могу со своей стороны...

— Не нужно, — оборвал ее Ин Син. Он развернулся и зашагал в противоположную от отеля «Гете» сторону, постепенно утопая в сгущающейся ночной мгле.

— Элио сказал, что ответ на «Луофу». Значит, подождем на «Луофу».

— Эй, погоди, ты уходишь? Больше следить не будешь? — не унималась Серебряный Волк.

Шаги Ин Сина не замедлились.

— Я уже увидел всё, что хотел, — бросил он на ходу, и голос его утонул в завываниях ветра: — А остальное... оставь воле судьбы.

А также — тому морю памяти по имени «Луофу», с которым ему предстоит столкнуться лицом к лицу.

На другом конце связи Серебряный Волк глядела на экран, где точка, обозначавшая Ин Сина, стремительно удалялась от центрального района Белобога, скривила губы и пробормотала себе под нос:

— Вечно строит из себя глубокомысленного... Впрочем, частота твоего дыхания на фоне звуков передачи дала сбой в три десятые секунды, А-Лин.

Она зажевала жвачку, а в глазах ее промелькнул азартный блеск потоков данных: — Похоже, эта «Ци У» куда «ключевее», чем было прописано в сценарии. Тьфу ты, в такой долгой жизни наконец-то появился настоящий «переменный фактор».

Она закрыла интерфейс связи, сладко потянулась и снова перевела внимание на раскинутую перед ней сложную звездную карту Сяньчжоу «Луофу» вперемешку с плотными потоками данных, а на ее губах заиграла лукавая ухмылка.

— Ну что ж, «Луофу»... Вот теперь тут и вправду станет весело.

Когда Ци У вернулась в номер отеля «Гете», в камине еще теплился слабый жар.

Она закопалась в мягкую постель, но сон ней шел. В голове настойчиво кружились слова таинственного незнакомца с площади и его горящие угли воспоминаний в глазах.

Усталость внезапно навалилась тяжелым грузом, погрузив её в темноту. Однако сон не принес умиротворения, напротив, утянув девушку в причудливое, но до боли живое море воспоминаний.

Сновидение рассыпалось на осколки, окрашенные в слегка искаженные желтовато-теплые тона.

Она «видела» — нет, не зрением, а благодаря тончайшему восприятию потоков энергии.

Синий Владыка Драконов и седовласый мастер меча сошлись в поединке на тренировочном плацу. Ее мечевая ци свистела подобно северному ветру, а его драконий силуэт ревел бушующим валом. Каждое их столкновение вызывало дрожь в воздухе.

То были Дань Фэн и Цзин Лю.

Маленькую ее бережно оставляли наблюдать за боем у дальней галереи. Поначалу она могла лишь «слушать» бой на слух, пытаясь уловить их мощь через запутанный рисунок циркуляции энергии.

Но вскоре она отказалась приходить туда. Уж слишком острыми и тяжелыми были те схватки.

В столкновениях таились не только мастерство и сила, но и неподъемная для юной Ци У ответственность взрослого мира вкупе с одинокой остротой, от которой перехватывало дыхание.

Картинка сменилась.

Из-за врожденного недуга и слишком нежного возраста этого тела Дань Фэн, казалось, вечно боялся, что она заскучает в одиночестве в его отсутствие.

Поэтому из раза в раз рядом появлялась пушистая белая макушка.

— Ци У! Инструктор Облачных Рыцарей похвалил мои успехи в стрельбе из копья! Пошли, покажу пару приемов, обещаю, это интереснее, чем... кхм, чем «слушать», как бьются братец Дань Фэн и остальные! — голос юного Цзин Юаня лучился энергией, и он без лишних слов тянул ее за руку.

Они редко занимались правильным владением меча — куда чаще мальчишка таскал ее тискать круглого пушистого лисенка, невесть где подобранного (Цзин Юань упорно звал того Мими).

Или они тайком сбегали на самый оживленный рынок Чанлэ-тяня, где Цзин Юань на свои сэкономленные карманные деньги покупал две шпажки с птичьими шариками — одну совал ей, другую уплетал сам — и без умолку болтал о каких-то баснях, услышанных бог весть где, да о байках про Облачных Рыцарей.

Его ладони были теплыми и сухими, а звонкий смех, исполненный мальчишеской беззаботностью, с легкостью разгонял любые тучи.

Они были истинными друзьями детства, делящими свет и тени миров друг друга.

А когда Цзин Юаня тащили обратно в распоряжение Облачных Рыцарей на «воспитательные

экзекуции», на сцену вовремя являлась другая, куда более «бешеная» подруга.

— Малышка Тан~ скучновато тебе тут, да? Погнали, сестрица прокатит тебя посмотреть на звезды! — в голосе Бай Хэн всегда слышались звонкий смех и гул моторов.

Под ее «любованием звездами» обычно подразумевались полеты на звездном челноке, от которых сердце замирало в груди. Вместе они проносились сквозь живописные туманности и пролетали мимо гигантских иллюминаторов кораблей-садов.

Ветер свистел в ушах, а невесомость захватывала дух.

Но рука Бай Хэн неизменно крепко придерживала ее, а смех звенел на фоне Млечного Пути: — Страшно — кричи! Но наша малышка Тан храбрее всех, ведь так?

После столь головокружительных приключений Бай Хэн непременно уводила ее в тихую чайную, заказывая чашку обжигающего молока с козьей шерстью и рассказывая о диковинных мирах, увиденных ею в дальних путешествиях.

Мир Бай Хэн был необъятным и пропитан ароматом свободы.

Затем мягкое сияние снов уступило место более конкретной, обжитой обстановке.

В воздухе витали запахи металла, машинного масла и уютный дух просушенной особой древесины.

Это была Комиссия по ремеслам, мастерская Ин Сина.

Здесь не было удушающей атмосферы тренировочного плаца, шумного базарного гама или свирепого ветра за бортом челнока — лишь постоянный, успокаивающий фон: мерные удары ковочного молота, визг точильного камня, тихое потрескивание очага.

Из десяти визитов к нему в восемь случаев он находился на месте.

Он либо вычерчивал сложные чертежи, либо сосредоточенно ковал или отлаживал какой-нибудь механизм.

Она наощупь пробиралась внутрь, а Ин Син лишь бросал короткий взгляд от работы и бросал: «Явилась? Садись». И вновь погружался в свой мир.

Она не мешала, по привычке отыскивая излюбленный уголок. По указанию Ин Сина там разостлали мягкую подстилку, рядом стоял низкий столик, на котором время от времени

появлялись сотворенные им безделушки: девять колец с чистым звоном, подставка под кружку с функцией сохранения температуры или просто занятные по форме металлические обрезки с приятной на ощупь фактурой.

Каждый занимался своим делом. Она возилась с безделушками, ощупывая пальцами мелкие соединения; он работал за верстаком, надевая ледяной металл жизнью и острой силой посреди брызг искр.

Порой он неожиданно прекращал работу, подходил, брал в руки детали, с которыми она играла, или поправлял положение какого-нибудь прибора возле нее, чтобы ей было удобнее двигаться.

Чаще всего Ин Син говорил немного, но его вечно испачканные сажей, но неизменно твердые руки и присущая ему созерцательная сосредоточенность создателя образовывали в ее памяти надежную и теплую гавань.

Шло время, и в эту мастерскую гениального ремесленника — слегка беспорядочную, но утилитарную донельзя — исподволь проникало множество чужеродных, но удивительно уместных вещей: в углу вырос ящик, забитый всякой всячиной, которую Ин Син смастерил для нее; на подоконнике прижился горшок с диковинным светящимся по ночам мхом (подарок Бай Хэн, но заботу о нем взял на себя Ин Син); рядом с ее постоянным сиденьем даже появилась маленькая тумбочка для личных вещей.

Позже, в один из дней, когда Бай Хэн ворвалась туда и застала эту «идиллию», лиса потрясенно вытаращила глаза и принялась тыкать в Ин Сина пальцем: — Ах ты, бездушный мастер! Не думала, что ты так умеешь нянчиться с детьми! Мастерская скоро превратится в ясли!

Юный Цзин Юань, прибежавший после очередной тренировки выпить чаю, тоже подтянулся к ним, посмотрел, как Ин Син машинально набрасывает на плечи уснувшей от усталости Ци У верхнюю одежду, и театрально обиженно вздохнул: — Вот именно! Какая несправедливость! Братец Ин Син! Ты никогда не баловал меня подобным образом!

Ин Син лишь зыркнул на них исподлобья, вытер руки и молча вернулся к шлифовке меча, хотя уголки его губ едва заметно дрогнули.

Огонь печи окрашивал его седые волосы в теплые оранжевые тона, освещая безмолвную нежность, оседающую в стенах мастерской.

То была история пятисотлетней давности, далекая и выцветшая.

— Хах!

Ци У резко села на постели, а сердце в груди бешено колотилось, отзываясь тупой, частой болью. На лбу выступил холодный пот, спина заледенела — ощущение было такое, будто ее только что вытащили из проруби.

Не пот — слезы? Она растерянно провела ладонью по щеке, но кожа была сухой.

Однако тепло той мастерской во сне, подлинное тепло ладони Цзин Юаня, звонкий смех Бай Хэн, звучавший будто рядом, и уникальный запах Ин Сина, в котором смешались металл, дерево, жар печи и машинное масло... все это было настолько ясным, настолько осязаемым, что каждый деталь словно сохранила тепло только что совершенного прикосновения.

То были не кадры из «игрового сюжета». Ощущение... походило на то, что она и впрямь все это пережила.

— Ци У! Ты проснулась?

За дверью послышался звонкий, полный нетерпения голос Март 7: — Вставай быстрее! Беда! Внизу толпится целая куча стражников!

Реальные звуки окатили ее холодной водой, вмиг развеяв остатки сонного тепла по ветру.

<http://bllate.org/book/21827/2260723>